

УДК 343.2.01

Н.А.ОРЛОВСКАЯ, канд. юрид. наук, доц.,
Национальный университет «Одесская юридическая академия»

ОСНОВАНИЯ И ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ УГОЛОВНО- ПРАВОВЫХ САНКЦИЙ: ЧАСТНО-НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: уголовно-правовая санкция, основания построения, принципы построения

Формирование подхода к пониманию оснований и принципов построения уголовно-правовых санкций предполагает в качестве исходного тезиса следующее утверждение: исследование целесообразно начинать с общих определений, ведь философские понятия имеют неоспоримые преимущества перед частно-научными [1, с.75].

Выступая методологическими ориентирами, философские понятия призваны очерчивать рамки «предельных смыслов». Выборка же и последующая адаптация идей, выработанных в философском анализе, к потребностям определенной области научного познания приводит к конкретизации исходных постулатов, их уточнению.

Проблематика исследования оснований и принципов построения уголовно-правовых санкций – одна из наиболее актуальных в науке уголовного права, ибо решение этой задачи прямо связано как с «повышением качества» уголовного закона, так и с оптимизацией правоприменительной деятельности.

Сложность и многоаспектность исследований в этой области общеизвестны. Более того, высказываются мнения об отказе от дальнейшей разработки этой темы с тем, чтобы ограничиться утилитарным подходом к выработке критериев построения санкций с

учетом принципов гуманизма и справедливости [2, с.8-9].

Однако, как представляется, такое предложение вступает в определенное противоречие с насущной потребностью оптимизации уголовно-правового воздействия, что невозможно осуществить без взвешенного подхода к обоснованию санкций и пониманию принципов их построения.

Анализ последних исследований показывает, что категории «основание» и «принцип» в контексте построения уголовно-правовых санкций привлекают к себе широкое внимание специалистов. В то же время нельзя не отметить, что подавляющее большинство работ по данному вопросу посвящены решению отдельных задач, комплексные же исследования достаточно редки. Так, цельное видение решения этой проблемы представлено В.К. Дуюновым, А.П. Козловым, Т.А. Лесниевски-Костаревой, В.Д. Филимоновым. Среди последних зарубежных работ, посвященных непосредственно вопросам оснований построения уголовно-правовых санкций, можно отметить исследования, проведенные немецкими учеными Meier В.-D. и Heinz Dr. W. В то же время авторами, как правило, опускается общеправовой философский дискурс на данную тему и, соответственно, его преломление в частно-научном контексте, что приводит к некоторому смещению смыслов, вкладываемых в понимание оснований и принципов конструирования санкций.

Целью статьи выступает уяснение общеправового наполнения категорий «основание» и «принцип» и преломление их в контексте концептуальных положений анализа оснований и принципов построения санкций в уголовном праве. Ее новизна состоит в выстраивании концептуального подхода к изучению оснований и принципов построения уголовно-правовых санкций с учетом выделения двух уровней их феноменологического анализа.

В общеправовом контексте основание

может быть представлено как некоторое устойчивое ядро содержания любого объекта, которое выражает саму суть данного объекта, его собственный смысл. Оно существенным образом влияет на все другие необходимые стороны и связи объекта, обуславливает соответствующее их изменение, направление функционирования и развития. Основания явления определяют начала его существования, то, на чем оно зиждется и строится [3, с.24]. «Опираясь на основу», можно объяснить и представить в органической взаимосвязи всю совокупность необходимых сторон и тем самым в системе идеальных образов, понятий воспроизвести сущность исследуемого объекта. Основание объекта не только принадлежит самому объекту, выражая его определенные сущностные характеристики, но и выступает постоянной детерминантой, которая сначала порождает, а потом обеспечивает его существование. Таким образом, объект и его основание образуют между собой сложную систему взаимосвязей и взаимовлияний, изменения в основании необходимо приводят к изменениям в объекте, и наоборот [4, с.142–143].

В предельных философских смыслах основание связывается с первопричиной бытия объекта, однако, пожалуй, не исчерпывается этим контекстом, ибо подразумевает также аспект сущности и устойчивого ядра содержания объекта. В то же время, очевидно, детерминационный контекст понимания основания более чем значителен.

Помимо этого с категорией «основание» непосредственным образом связана категория «обоснованное». Основание и обоснованное – это парные философские категории, которые обозначают, соответственно, определяющий фактор и его воздействие на определяемую реальность. Основание в логическом (и в некотором онтологическом смысле) первично по отношению к обоснованному. При этом то, что на одном структурном уровне бытия (сущности) служит основанием для обуславливаемой реальности,

вместе с тем само оказывается обосновываемым каким-нибудь более глубинным основанием. Следовательно, понятия основания и обоснованного суть рефлексивные категории [5], подлежащие совместному осмыслению и анализу.

Еще одним аспектом, требующим уточнения, является вопрос о соотношении понятий «обоснованное» и «обусловленное».

По аналогии с категорией «обоснованное» можно говорить об обусловленном как о некотором объекте, который определяется тем, что выступает как некоторое условие. Условие – это философская категория, выражающая отношение объекта к окружающим его явлениям, без которых он существовать не может. Сам объект выступает как нечто обусловленное, а условие – как относительно внешнее предмету многообразие объективного мира (естественно, что применительно к конкретному условию речь идет не обо всем многообразии реальности, а об определенных ее аспектах). В отличие от причины, непосредственно порождающей то или иное явление или процесс, условия составляют ту среду, обстановку, в которой последние возникают, существуют и развиваются.

Изложенное дает возможность заключить, что категории «обоснованное» и «обусловленное» не являются равнозначными, ибо не являются таковыми «основание» и «условие». Категория «основание» значительно шире, нежели «условие». С одной стороны, одним из аспектов понимания категории «основание», как уже отмечалось, выступает контекст первопричины (детерминанты), однако он не исчерпывает понятия «основание». С другой стороны, необходимым атрибутом определения категории «условие» выступает ее соотношение с категорией «причина», в результате приходим к выводу, что условие выступает лишь благоприятной или неблагоприятной почвой, обстановкой, в которой «происходит действие». Иными словами, обусловленность подразумевает зависимость объекта от условий, акцентирование внимания на внешних

обстоятельствах (среда, обстановка, окружение), обоснованность же – опосредованность основанием, сущностно-содержательный контекст объекта как такового.

А.П. Козлов, размышляя о социальной обусловленности и социальной обоснованности уголовно-правовых санкций, разграничил данные категории, применив термины «пассивная сторона» (обусловленность) и «активная сторона» (обоснованность), подразумевая под обусловленностью детерминированность, зависимость объекта (в данном случае, уголовно-правовой санкции) от окружающего бытия, а под обоснованностью – соответствие объекта определенному основанию [6, с.11, 13].

Как представляется, характеристики «активная» и «пассивная» в данном контексте весьма неоднозначны. Само по себе бытие, какого бы то ни было объекта (тем более социального), в определенной степени, всегда пассивно в том смысле, что определяется как внутренним, сущностным, первопричинным (основание), так и внешним (условие). В этом смысле любой объект – это результат взаимодействия основания и условий, ибо основание, определяя сущностно-содержательное бытие объекта, выступая его первопричиной, дает ему «путевку в жизнь», т.е. во внешние обстоятельства, условия. В то же время нельзя отрицать и обратной связи, когда объект своим существованием влияет на окружающую среду, в некоторой степени модифицируя ее, т.е. изменяя внешние условия. В этом проявляется активность бытия объекта. Исходя из этого, полагаем, что для разграничения категорий «обоснованное» и «обусловленное» нецелесообразно использовать формулировки «активное» и «пассивное», ибо в данном случае нет дихотомии как раздвоенности, последовательного деления на две несвязанные между собой части, а есть, скорее, органичное сочетание двух взаимодействующих свойств объекта.

В целом же следует заключить, что обусловленность объекта не может подменять его

обоснованности, это относительно самостоятельные категории.

Таким образом, понимание категории «основание» подразумевает, по крайней мере, следующие исходные тезисы:

– основание допустимо понимать как выражающее сущностные характеристики объекта, устойчивое ядро его содержания, которое выступает постоянной детерминантой его бытия (и в статическом, и в динамическом контекстах).

– основание обязательно и объективно, ибо не могут существовать объекты, лишённые основания (по крайней мере, если не принимать во внимание предельные философские представления).

Еще одной категорией, подлежащей определению, является «принцип», включая, естественно, его соотношение с категорией «основание».

В целом в философской литературе принцип (от лат. *principium* – начало, основа, происхождение, первопричина) рассматривается как первоначало, основание некоторой совокупности фактов или знаний, исходный пункт объяснения или руководства к действиям, руководящее начало, основное правило поведения.

Применительно к вопросу о соотношении основания и принципа можно констатировать три основные точки зрения.

Первая подразумевает отождествление оснований и принципов. Весьма иллюстративным примером этому можно считать общепризнанный философский закон достаточного основания (для всего существующего устанавливается основание, исходя из которого можно законным образом выводить отсутствие или наличие какого-либо явления), название которого в латинском варианте прямо включает термин «принцип» – *principium rationis sufficientis*.

Очевидно, в рамках представленной точки зрения, в определенной степени, можно оценивать и взгляд на принципы как элемент основания. В частности, Н.Ф. Медушевская,

рассматривая основания права, полагает, что принципы входят в состав оснований, они «целенаправляют перестройку правовой культуры и правовой реальности общества, проясняют их скрытые смыслы» [3, с.24]. Иными словами, в данном случае речь идет о том, что принципы «отвечают» за цели как результаты развития объектов. Однако «прояснение скрытых смыслов», представляется, относится к вопросам понимания и интерпретации бытия объектов, а это «сфера ответственности» оснований.

В рамках второй точки зрения можно говорить о принципе как форме бытия основания [7, с.12]. В этом смысле, очевидно, разнообразие оснований объектов обозначает и разнообразие принципов, подразумевающее допустимость выделения логических, нравственных принципов, принципов как теоретических постулатов, т.д.

Естественно, что такое различие принципов обозначает своеобразие оперирования ими. Так, если теоретические постулаты, сформулированные однажды, принимаются как данность и являются незыблемыми для некоторой области знания (например, постулаты в виде аксиом «параллельные линии не пересекаются» или «все прямые углы равны между собой» не требуют доказательств, принимаются как истина и лежат в основе элементарной (евклидовой) геометрии), то нравственные принципы требуют определенных доказательств своего бытия и могут быть модифицированы либо вообще нивелированы (пусть и на некоторое время) вследствие доминирования определенных политических или идеологических моделей, в силу индивидуальных или корпоративных приоритетов, чрезвычайных внешних обстоятельств, т.д.

Третий подход подразумевает разграничение понятий «основание» и «принцип». Как известно, такое разграничение берет свое начало с философских взглядов Р. Декарта и характерно как для классических философских направлений критицизма и рационализма, так и для их фактических модифи-

каций более позднего времени. При этом не подвергается сомнению восприятие принципа как начальной точки, исходной посылки, однако в отличие от основания, характеризующего сущность явления, принцип, скорее, описывает закономерности познания, в первую очередь, в смысле его методологии.

Таким образом, можно констатировать, что все исследователи знают, что принцип – это исходная точка, руководящее начало, но каждый из них вкладывает в это начало свое понимание.

Как представляется, целесообразно присоединиться к третьей точке зрения, т.е. разграничивать категории «основание» и «принцип».

Так, основание характеризует бытие объекта как такового, его сущность, опосредованную устойчивым ядром содержания, именно основание должно рассматриваться как первопричина, детерминанта этого бытия. В этом смысле основание не просто объективно и обязательно, оно абсолютно.

В свою очередь, принцип есть руководящая идея, предполагающая как гносеологический (принцип познания), так и онтологический (принцип существования) контексты взгляда на объект.

Принцип в онтологическом контексте взгляда на объект связан с проблематикой его (объекта) уникального существования, в том числе (а может быть и прежде всего) с процессом конструирования (в широком смысле этого слова) данного объекта, ибо в выбор конкретного принципа в значительной мере определяет вектор развития объекта, динамику его бытия. В этом смысле принцип представляет собой некую идею, закладываемую в создаваемый объект, существование которого, по большому счету, призвано ее (идею) реализовать.

Следовательно, на основании изложенного можно прийти к выводу, что принципы существования (в том числе конструирования) объектов достаточно четко дифференцируются от оснований их (объектов) бы-

тия. Эти принципы относительны и опосредуют основание бытия объекта как абсолютную категорию. Принципы существования объектов являются объективными в том смысле, что объективным (как выходящим за пределы индивидуальных чувственных или полученных сугубо логическим путем) являются сущность и устройство материи в целом и конкретных объектов, в частности.

Общефилософский подход к пониманию оснований и принципов, преломляясь на вопросы построения уголовно-правовых санкций, подразумевает уточнение ряда обстоятельств.

В частности, речь идет о возможности и целесообразности дифференциации уровней анализа оснований и принципов построения санкций. Это связано, как представляется, с несколькими плоскостями исследуемой проблематики.

Так, нельзя не учитывать многогранную взаимосвязь права с социальной и культурной средой, в рамках которых возникают и разворачиваются реальные правоотношения, проявляются общие закономерности формирования права как предельно широкого социокультурного феномена. При таком подходе значительно повышается содержательность понятия права в полноте всех его смыслов. Отказ же от широкого понимания права, придание ему исключительно служебных функций есть проявление юридического редукционизма [8, с.6].

В этом смысле исследование оснований и принципов построения уголовно-правовых санкций, подразумевающее ограничение исключительно нормативным материалом, «поиск и обнаружение» таких оснований и принципов лишь в законодательном тексте видится, в определенной мере, схоластичным, ибо не учитывает того факта, что, обладая сложной структурой, уголовное право не является замкнутой самодостаточной системой, а функционирует в определенной социокультурной среде, оказывающей влияние на все параметры регулирования уголовным правом своей сферы отношений [9, с.6].

Иными словами, за скобки выводится системная среда уголовного права, социальное предназначение уголовного права и уголовного закона, не принимаются в расчет последствия их функционирования.

Рассмотрение уголовно-правовых феноменов только как нормативно определенных «вещей в себе», их «нормологический» анализ [10], очевидно, существенно затрудняет совершенствование уголовно-правового регулирования, усложняет реализацию задач и достижение целей, стоящих перед уголовным законом. Однако в то же время беспочвенной представляется и деюридизация заявленной проблематики, «замыкание» анализа оснований и принципов построения уголовно-правовых санкций исключительно на вненормативных явлениях и процессах, тем более что и вычленение конкретных вненормативных факторов в контексте такого анализа, и оценка их значимости сами нуждаются в объективации.

Помимо этого концептуальным моментом выступает понимание уголовно-правовой санкции. Представляется, можно говорить о том, что, с одной стороны, следует рассматривать санкцию как часть уголовно-правовой нормы с присущими ей правовой природой и содержательными характеристиками, с другой же, несомненный интерес представляет взгляд на санкцию как феномен широкого социального масштаба [11, с.70–94, 220–259].

В этом смысле, в контексте анализа санкции как части уголовно-правовой нормы, которая призванная стимулировать надлежащее поведение и/или препятствовать девиантным проявлениям, т.е. противодействовать криминализированным разновидностям отклоняющегося поведения, можно предположить, что основания и принципы ее построения могут быть непосредственно обнаружены в нормативном тексте, прямо связаны с особенностями конкретного законодательного положения. Этот конкретный уровень исследования предполагает дискурс о формально-юридических характеристиках основа-

ний и принципов построения санкции как, в определенной степени, вторичного (по отношению к другим элементам нормы) уголовно-правового образования (при этом, естественно, подразумевается и внешнее оформление санкции, и вопросы ее структуры).

В свою очередь, могут подлежать рассмотрению основания и принципы формирования уголовно-правовой санкции как феномена широкого социального масштаба, подразумевающие анализ уголовного закона как системного образования, воздействующего на внешнюю среду в целом и систему права, в частности, и испытывающего их влияние в режиме «обратной связи» в самых разнообразных аспектах. Здесь представляется допустимым рассматривать основания и принципы построения уголовно-правовых санкций с учетом как нормативной материи, так и внеюридического контекста.

Помимо представленных соображений еще одним обстоятельством, подлежащим уточнению, является вопрос о том, подразумевает ли санкция наличие основания либо речь идет о том, что в контексте анализа построения уголовно-правовых санкций допустимо оперировать преимущественно условиями их формирования. Очевидно, что данный вопрос может быть сформулирован, в первую очередь, применительно к санкциям конкретных норм уголовного закона.

Действительно, проблематику поиска оснований построения уголовно-правовых санкций сопровождает устойчивое представление о социальном конструировании как сугубо произвольной деятельности, в рамках которой и принятие самих первоначальных законов, и изменения законов в подавляющем большинстве случаев происходят неконтролируемо и спонтанно, на основании неких проблемных импульсов [12, с.95]. В целом юридические санкции выражают должное и ничего истинного в себе не включают. За нормами, устанавливающими уголовно-правовые санкции, стоит нечто иное, как актуальное на данный момент (завтра оно

может измениться) представление законодателя о том, каким должно быть наказание за то или иное преступление [13, с.566, 567]. Следовательно, по большому счету, уголовно-правовая норма как продукт социальных процессов непосредственно обусловлена только совокупными решениями соответствующих субъектов. В свою очередь, эти решения имеют двойную природу: во-первых, они представляют собой результат скрытого воздействия ряда социальных факторов (например, исторически сложившегося принципа уголовной кары, внедренного в подсознание и ставшего привычным), во-вторых, они основываются на стремлении определенным образом видоизменить действительность, исходя из субъективного понимания реальности и законов ее развития. Пределом такой деятельности фактически является лишь необходимое количество бумаги и чернил да мнение представителей законодательного института [14, с.148].

Сомнения в наличии конкретных (т.е. подлежащих выделению, а, следовательно, анализу) оснований также могут быть связаны с постмодернистским восприятием действительности, подразумевающим отсутствие «раз и навсегда» сформированного представления о «природе вещей» и актуализирующем вопрос, скорее, о репрезентации истины «здесь и сейчас», нежели о непреходящих, априорно существующих данностях. В этом смысле, действительно, поиск оснований бытия объекта становится излишним, вполне достаточно оперировать условиями его (объекта) «текущего» существования. В частности, как отмечается в литературе, издание нового закона ничего автоматически не изменяет в общественной материи. Ни принятие закона, ни его опубликование, ни даже его вступление в законную силу само по себе не может выполнять каких-либо реальных социальных функций. Объективное действие закона приобретает реальные черты только после того, как закон постепенно начинает применяться [14, с.148]. Иными словами,

утрачивается практический смысл поиска оснований социального конструирования в уголовно-правовой сфере, в результате чего даже предельная произвольность «творящего субъекта» перестает рассматриваться как насущная проблема: ведь каким бы ни был нормативный текст, важен, в первую очередь, аспект интеракции социальных субъектов в связи с нарушением уголовно-правового запрета. Только интеракция придает смысл любым нормативным построениям и выступает «мерой вещей» в уголовно-правовой сфере.

Очевидно, при таком взгляде на уголовное право вообще и уголовный закон, в частности, серьезная теоретическая разработка темы оснований, в том числе и построения уголовно-правовых санкций, утрачивает смысл, ибо «центр тяжести» переносится на обстановку, имеющую место во время конкретного взаимодействия. Исходя из этого, можно допустить, что при конструировании санкций фактически предлагается принимать во внимание некую стандартную (типичную) совокупность условий, потенциально характеризующую ситуацию реализации конкретной нормы уголовного закона (в первую очередь, уголовно-правового запрета). Отсюда и рассмотрение оснований построения уголовно-правовых санкций в контексте факторов (фактор здесь следует понимать как движущую силу процесса, явления, определяющую его характер или отдельные его черты; условия, подлежащие систематизации в контексте причинно-следственного анализа).

Действительно, и сущность социального конструирования, и постмодернистская реальность, актуализируя дискурс о проблематике истинности, акцентируют внимание на выводе о невозможности достижения истины (адекватного отражения действительности, воспроизводящего ее так, как она существует вне и независимо от сознания) в процессе формирования социальных объектов. На первый план выдвигается контекст репрезентаций конкретных объектов в том смысле, что динамика ситуаций подразумевает «теку-

честь», изменчивость оценок этих объектов как адекватных/неадекватных решению социальных задач.

Однако, как представляется, здесь очевидна максимализация проблемы, вынуждающая выбирать «все или ничего»: либо достижение истины, либо отказ от ее поиска и рассмотрение социальных конструктов как результатов исключительно «текущего контракта» между конструирующим субъектом и внешними условиями. Полагаем, что, действительно, абсолютная истина в сфере социального конструирования недостижима (по крайней мере, на современном этапе), в то же время можно говорить об относительной истине бытия объекта в конкретных исторических условиях.

В таком контексте не утрачивается «смысловая нагрузка» категории «основание», ибо дискурс об истинности (относительной) его (объекта) существования как раз и подразумевает поиск оснований как устойчивого сущностно-содержательного ядра и детерминанты (первопричины) бытия конкретного объекта, раскрывающихся во внешних условиях, т.е. в конкретной исторической обстановке. При этом отнюдь не нивелируется значение таких условий, более того, размышления об обусловленности социальных объектов получают дополнительный импульс.

Помимо этого, полагаем, что постановка вопроса о возможности познания оснований построения уголовно-правовых санкций в аспекте достижения относительной истины снимает остроту оценок результатов социального конструирования как предельно произвольных, фактически предполагающих доминирование случайного, опосредованного динамикой конкретных ситуаций, и подчеркивает социальную полезность формализма в уголовном праве как господства над изменчивым, свободу от случая – независимо от того, выступает ли случаем обстоятельство или личность [15, с.114].

Таким образом, в процессе построения уголовно-правовых санкций как социального

конструкта познание и оснований, и условий играет важную роль как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Помимо этого, важно уточнить, могут ли быть установлены, сформулированы все основания их (санкций) построения, т.е. получены полные и окончательные результаты исследования в данной области уголовно-правовой науки.

Как представляется, окончательная фиксация результатов научного исследования достижима только при хотя бы теоретически допускаемой (потенциальной) конечности, исчерпаемости входящей информации. Такая ситуация вряд ли возможна даже в рамках одной научной концепции, не говоря уже о возможностях, которые предоставляет использование результатов, полученных в рамках иных парадигм, подразумевающих специфику и постановки задачи, и ее разрешения путем применения определенных методов. Следовательно, было бы ошибочным утверждать предельность (по крайней мере, на современном этапе) знания об основаниях построения уголовно-правовых санкций как объекта, создающегося в ходе социального конструирования, ибо с развитием науки эти представления неизбежно будут дополняться, уточняться.

В то же время данный тезис не может рассматриваться как констатация невозможности получения информации, пусть не полной, но достаточной для принятия решений в области такого конструирования. Иными словами, представляется возможным говорить о том, что применительно к формированию нормативного текста отсутствие исчерпывающего знания об основаниях построения санкций не является непреодолимым препятствием для практической деятельности. Однако при этом такой информации должно быть достаточно для социально приемлемого уровня решения поставленных задач. Она должна быть доступна и понятна субъектам социального конструирования, ибо основания, выступая в качестве явных или неявных ар-

гументов, наряду с иными предпосылками определяют принятие уголовно-правовых решений и отношение к ним [16, с.35].

В свою очередь, представление о принципах построения уголовно-правовых санкций как определенных руководящих идеях, закладываемых в социальный объект при его конструировании, очевидно, подразумевает, что может быть сформирована полная их совокупность, по крайней мере, в том смысле, что, как уже отмечалось, принципы обусловлены доминирующими концептуальными взглядами на устройство социума (в противном случае, они были бы не идеями, «управляющими» процессом создания объекта и направляющими его (объекта) развитие, а субъективными точками зрения, составляющими предмет дискуссии). Однако такие концептуальные взгляды не могут быть многочисленными, они, как правило, достаточно четко обозначены, в частности, в конституционных положениях, доктрине, идеологических постулатах, т.д. В связи с этим, как представляется, принципы социального конструирования, в частности, в уголовно-правовой сфере, могут быть представлены в виде завершеного перечня. Это отнюдь не исключает дискуссии по поводу включения/исключения отдельных принципов из совокупности, сути, значения определенных принципов, их места в этой совокупности, т.д. Однако в целом такая совокупность может дать полное представление о принципах конструирования уголовно-правовых санкций.

На основании изложенного можно сформулировать следующие выводы, которые могут быть использованы для проведения дальнейших исследований в области разработки проблематики построения санкций:

– общефилософский контекст понимания категории «основание» подразумевает начала (первопричины) существования объекта, то постоянное, устойчивое сущностно-содержательное ядро, которое сохраняется в нем в различных его вариациях (в том числе, временных);

– основания следует дифференцировать от принципов, которые понимаются как руководящие положения, подлежащие осмыслению в гносеологическом (как принципы познания объекта) и онтологическом (как принципы существования объекта) контекстах;

– можно выделить два уровня феноменологического анализа санкции: санкция как часть уголовно-правовой нормы, стимулирующая правомерное поведение и/или препятствующая девиантным проявлениям; санкция как феномен широкого социального масштаба, подразумевающая непосредственно-практические формы социально-правовой реальности и понимание уголовного закона как системного образования. Это обуславливает и уровни анализа оснований и принципов построения санкций;

– в контексте понимания санкции как части нормы, основания и принципы ее построения могут быть непосредственно обнаружены в нормативном тексте, они прямо связаны с особенностями конкретной нормы;

– при рассмотрении оснований и принципов построения санкции как феномена широкого социального масштаба представляется допустимым принимать во внимание как нормативный материал, так и внеюридический контекст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. И. Понятие функции права / А. И. Абрамов // Журнал российского права. – 2006. – № 2. – С. 71–83.
2. Козлов А. П. Система санкций в уголовном праве / А. П. Козлов. – Красноярск : Изд-во КГУ, 1991. – 120 с.
3. Медушевская Н. Ф. Интеллектуально-духовные основания российского права : автореф. дис. на соискание науч. степени докт. юрид. наук : 12.00.01 / Н. Ф. Медушевская ; Московск. ун-т МВД России. – М., 2010. – 56 с.
4. Билялов А. К. Об определении категорий «основа» и «обоснованное» / А. К. Билялов // Философские науки. – 1976. – № 5. – С. 142–143.
5. Кемеров В. Е. Современный философский словарь / В. Е. Кемеров. – М. : Академический проект, 2004. – 864 с.
6. Козлов А. П. Уголовно-правовые санкции (проблемы построения, классификации и измерения) / А. П. Козлов. – Красноярск : Изд-во КГУ, 1989. – 176 с.
7. Шкепу М. А. Категория основание в материалистической диалектике : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филос. наук : 09.00.01 / М. А. Шкепу ; Киевск. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. – К., 1991. – 18 с.
8. Сигалов К. Е. Среда права : автореф. дис. на соискание науч. степени докт. юрид. наук : 12.00.01 / К. Е. Сигалов ; Московск. ун-т МВД России. – М., 2010. – 57 с.
9. Кулыгин В. В. Этнокультура уголовного права : автореф. дис. на соискание науч. степени докт. юрид. наук : 12.00.08 / В. В. Кулыгин ; Юрид. ин-т Дальневосточного гос. ун-та. – Владивосток, 2003. – 42 с.
10. Козлихин И. Ю. Позитивизм и естественное право / Козлихин И. Ю. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edu-zone.net/show/161646.html>.
11. Орловская Н. А. Уголовно-правовые санкции: проблемы определения, классификации, функционального анализа : монография / Н. А. Орловская. – Одесса : Юридична література, 2010. – 296 с.
12. Шувалов И. И. Проблемы эффективности правотворчества в свете современной политико-правовой теории управления обществом / И. И. Шувалов // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 87–97.
13. Мальцев Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – М. : Норма, 2007. – 800 с.
14. Кирюшкин М. В. Социальный механизм функционирования уголовного наказания / М. В. Кирюшкин // Известия ВУЗов: Правоведение. – 2001. – № 1. – С. 144–157.
15. Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия / В. М. Коган. – М. : Наука, 1983. – 183 с.

16. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2009. – 400 с.

Орловская Н. А. Основания и принципы построения уголовно-правовых санкций: частно-научный контекст философского дискурса / Н. А. Орловская // Форум права. – 2010. – № 4. – С. 690–699 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2010-4/10onakfd.pdf>

Рассматриваются вопросы частно-научной интерпретации философского понимания категорий «основание» и «принцип». С учетом феноменологического анализа уголовно-правовых санкций предлагается концептуальный подход к выделению уровней изучения оснований и принципов их построения.

Орловська Н.А. Засади та принципи побудови кримінально-правових санкцій: частинно-науковий контекст філософського дискурсу

Розглядаються питання частинно-наукової інтерпретації філософського розуміння категорій «засада» та «принцип». З урахуванням феноменологічного аналізу кримінально-правових санкцій пропонується концептуальний підхід до виокремлення рівнів вивчення засад та принципів їх побудови.

Orlovska N.A. Bases and Principles of Criminal Sanctions Construction: Particular - Scientific Context of Philosophical Discourse

The questions of particular-scientific interpretation of philosophical understanding categories «basis» and «principle» is devoted. Taking into account the phenomenological analysis of criminal sanctions the conceptual approach to the levels of studying of the bases and principles of their construction allocation is offered.

Форум права ФОР